

ВЛАДИМИР ПАНЮКОВ

РАССКАЗЫ ЗВЕРОЛОВА

ДЕТГИЗ 1958

Цена 85 коп.

Папка 70 к.

ВЛАДИМИР ПАНЮКОВ

**РАССКАЗЫ
ЗВЕРОЛОВА**

Рисунки Г. Никольского

*Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1958*

ЧТО ЭТО ЗА КНИЖКА?

В Красноярском крае, в небольшом городе Канске, много лет жил дедушка Панюков — большой, грузный, совсем седой, красивый старик, которому скоро исполнится восемьдесят лет.

Природа наделила его удивительной силой.

Долго он был борцом и исколесил всю Россию, встречаясь на арене цирка с такими прославленными борцами, как француз Понс, немец Аппс, наш боец П. М. Заикин и русский богатырь И. М. Поддубный, которого никто не мог положить на лопатки.

Затем Владимир Алексеевич Панюков стал звероловом. Он поймал шесть тигров, десять медведей, много лосей, маралов, песцов, соболей, куниц и других зверей.

Труд зверолова тяжёлый, опасный, почётный.

Чтобы поймать живого тигра или медведя, надо быть хорошим охотником — неутомимым и бес-

страшным, надо отлично знать повадки хищных зверей.

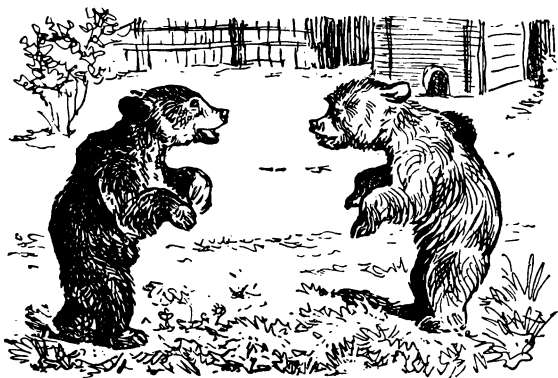
Интересный и увлекательный труд зверолова доставляет всем нам большую радость. Пойманных ими живых зверей мы видим в зоологическом парке, на станции юных натуралистов, на арене цирка, в кино.

И таким вот смелым раскрывается перед нами Владимир Алексеевич Панюков — мальчик из Рязани, страстный охотник с детских лет и прославленный наш зверолов.

Я записал его рассказы, и вы сможете прочитать их в этой книжке, которую сам Владимир Алексеевич назвал «Рассказами зверолова».

Вл. Архангельский

МОИ МЕДВЕЖАТА

Много, очень много медвежат побывало у меня в руках: одних я ловил сам, других дарили мне друзья-охотники.

Бывало, набегаясь по тайге за маленьким косолапым зверёнышем, поймаешь его и всё стараешься как можно скорее отправить на зообазу в красивый портовый город Владивосток, откуда звери рассылались по зоопаркам страны.

Но, случалось, жили у меня медвежата и подолгу, особенно зимой. Морские просторы покрывались льдом, пароходы переставали ходить, и я отсиживался со своими мохнатыми друзьями где-нибудь на

Камчатке или на берегах студёного Охотского моря. Тогда я сам ухаживал за зверушками, наблюдал их повадки.

Все медвежата были так похожи друг на друга — тёмно-бурые, неуклюжие, шаловливые. Глаза у них чёрные, маленькие, ушки — небольшие и острые, и у всех широкие и тёплые штаны — гачи — с густой и длинной шёрсткой. Тронешь медвежонка за эти гачи, — он непременно отпрыгнет в сторону либо сядет на землю.

Словом, все медвежата были «на одно лицо». А вот что-то отличало кое-кого из них: и характер не тот, и случались с ними всякие неожиданные, интересные истории. И таких вот особенных мишек я запомнил на всю жизнь...

Г а п к а

Я поймал Гапку, когда у меня было уже готово к отправке большое стадо медвежат — штук тридцать.

Как только покажусь утром во дворе, из всех углов катятся под ноги рыжие, бурые шары: бегут, торопятся и всё норовят ткнуться мокрым носом в руку — давай завтракать!

И каждому медвежонку я выдавал резиновую бутылку, в которой была вода, разбавленная мёдом. Схватят они по бутылке, горлышко с соской — в рот, станут на задние лапы, причмокивают. Голову закидывают всё выше, всё дальше. А иной медвежонок так увлечётся, что зашатается, потеряет равновесие и упа-

дёт. И если бы бутылки были стеклянные, понабили бы мишки осколков по всему двору и поранили бы себе лапы. А резиновая бутылочка хоть и упадёт, но не разобьётся, только подпрыгнет раз-другой — вот и всё!

Научились медвежата пить воду с мёдом — мы им стали давать манную кашу, а потом и всякую другую пищу.

Отправка медвежат задерживалась, и, чтобы они не скучали, я сделал им перекладину да ещё врыл в землю два столба и набросал у забора всякого хвороста. Вот они и резвились: ловко поднимались вверх по брёвнам, прятались в хворосте, бегали по перекладине, висели на ней, как обезьяны, на одной лапе, кувыр-кались, часто играли в чехарду — с разбега прыгали друг через друга.

Медвежата были шумные, но жили они мирно, пока не появилась Гапка. Была она постарше других зверушек и такая забияка, какой я ещё не видывал.

Получит она бутылку, быстро выпьет воду с мёдом и сейчас же бросается к какому-нибудь тихому медвежонку. Постоит, поглядит, как он пьёт, изловчится, вырвет бутылку — и в дальний угол! Обиженный медвежонок заскулит, станет лезть в драку. Гапка же выпьет его порцию, да ещё и шлепков ему надаёт. Потом пристанет к другому медвежонку и у него отберёт бутылку. А после завтрака, важно переваливаясь с боку на бок, начнёт ходить по двору с раздутым животом.

Глядел, глядел я на Гапку и решил найти на неё управу: как только вынесу бутылки, надену на неё ошейник, привяжу к столбу, одну бутылку дам ей в лапы, другую поставлю на землю. Жадно съест она свой завтрак, а у других отнять не может.

Но забияка не успокоилась: стала она озоровать на перекладине. Увидит Гапка, что медвежонок забрался туда и идёт из конца в конец, растопырив лапы и не глядя по сторонам, сейчас же вскарабкается на столб, который стоял рядом с перекладиной, и повиснет на одной лапе. А когда медвежонок поравняется с ней, она стукнет его по загривку, и полетит он на землю, как куль. Сама же прыгнет на перекладину, где только что был медвежонок, наклонит голову набок и с любопытством наблюдает, как он барахтается в песке.

Хотел я отделить Гапку от других медвежат, да не успел: всех их увезли в Москву. Уехала с ними и наша проказница.

Где-то она теперь?..

Е р ё м к а

В то лето я не ловил медвежат, и маленький Ерёмка попался мне случайно.

Мы поехали большой компанией по ягоды: возле станции Гора Благодать был хороший малинник. Но, как всегда бывает в тайге, захватили с собой ружья и даже удочки взяли — хотели наловить на уху свежей рыбы.

Дело было под вечер. Все мои товарищи разошлись, я остался разбить палатку и приготовить чай.

Хорошо в тайге, особенно летним вечером, когда нет жары: приятно пахнет сосной и кедром, рядышком — малина, и ходить никуда не надо: только протянешь руку — и уже кладёшь в рот сочную, ароматную ягоду.

Отведал я малины, костёр зажѣг... Вдруг неподалѣку грянули два выстрела. И сейчас же слышался треск в кустах и топот — кто-то мчался к нашему стану. Я схватил ружьѣ, и в ту же минуту показались в кустах два наших молодых охотника.

Тяжело дыша и перебивая друг друга, они рассказали, что встретились с медведем, выстрелили в него по одному разу и в испуге бросились ко мне.

Я отправился с охотниками. Медведица была убита наповал, кусты малины вокруг поломаны, много ягод рассыпано по земле. Видно было, что зверь лакомился тут малиной.

Мы стали поднимать медведицу, чтобы отнести её к палатке, как вдруг на поляну выскочил медвежонок.

— Не стреляйте! — тихо сказал я товарищам, которые уже вскинули ружья. — Мы возьмѣм его живым.

Медвежонок насторожѣнно огляделся и скрылся в малине. Но пробежал недалеко, и скоро мы увидели, как он ловко карабкается по старой, покривившейся сосне. На самой верхушке дерева он остано-

вился и, обхватив ствол цепкими лапами, устоялся на нас.

— Подождём, — сказал я охотникам, приваливаясь к сосне. — По дереву лезть нельзя, оно никого из нас не выдержит. Да и надобности в этом нет: медвежонок долго не просидит. Тряхните ствол хорошенько и садитесь рядом.

Молодые охотники потрясли ствол старого дерева и уселись возле меня. Не прошло и часа, как медвежонок начал спускаться и очутился у меня в руках.

К нашему стану мы вернулись, когда уже село солнце и в тайге стало заметно темнеть.

Товарищи ждали нас с удачей: у них была рыба, в лукошках — полным-полно ягод; но, конечно, убитая медведица и живой медвежонок были самой ценной и интересной добычей.

На другой день я вернулся домой, а к вечеру уже ехал с медвежонком в Свердловск.

Там я остановился у директора мясокомбината, старого моего друга. Директор увидел медвежонка и стал упрашивать, чтобы я его подарил ему. У меня не было поручения поймать медведя, попал он ко мне по случаю. Мы называли его Ерёмкой, и остался он у директора.

Месяцев через семь мне пришлось проезжать через Свердловск, когда я ехал в Москву.

Вспомнился мне Ерёмка, захотел я повидать его и сделал остановку на сутки.

Ерёмка стал большим медведем. Прикованный

цепью к толстому столбу, он дико и грозно зарычал, как только я хотел подойти к нему. Да и никого он не признавал на мясокомбинате, кроме старого сторожа Герасима, который кормил его. Герасим смело приближался к страшному зверю, ласково называл его Ерёмкой, трепал по ушам. Ерёмка успокаивался, закрывал глаза и тихонько скулил.

Мне рассказали, что одно время хотели приспособить медведя для ночной охраны комбината. Вдоль ограды протянули толстую проволоку на подвесках, и медведь, привязанный цепью к ошейнику, мог свободно гулять по ночам. Но Герасим часто хворал, а без него никто не мог управиться с этим сильным и злобным зверем.

Года через три Ерёмка исчез.

Поздней осенью, в буран, никто не вышел поглядеть, как ведёт себя зверь.

А когда утром Герасим понёс ему корм, возле столба валялся перетёртый ошейник, и по земле, припорошённой первым снегом, тянулись в сторону леса тяжёлые медвежьи следы...

М е д в е ж о н о к в б е д е

Как-то остались у меня на зиму два медвежонка.

Я отгородил им железными прутьями большой загон во дворе, сделал тёплую конуру, поставил лестницу, положил два толстых круглых чурбака.

Один медвежонок был очень спокойный: он больше

ел да спал. А другой, игривый и ласковый, каждый день прыгал по лестнице, катался на чурбаках и часто падал.

Когда я выходил к своим питомцам, они уже ждали меня, но встречали по-разному. Один лениво потягивался и шёл ко мне вразвалку: он всё ещё дичился и не любил, когда я его гладил по шерсти — жёсткой и почти чёрной. А другой бежал со всех ног, облизывался, когда видел в руках у меня корм, высовывая розовый язык. Получив конфету, он проглатывал её, не разжёвывая, становился на задние лапы и, смешно наклоняя голову вправо и влево, пристально глядел на мои руки. Я прозвал его Лакомкой.

И вот однажды с Лакомкой случилась беда.

Ночью подморозило. Я вышел во двор утром и хотел задать корм, но меня окликнули с улицы. И пока я разговаривал с товарищем, Лакомка носился вдоль решётки, высовывая нос между прутьями и облизываясь.

И вдруг уселся с раскрытым ртом и жалобно заскулил. Я бросился к нему, глянул, и стало мне и смешно и горько: Лакомка нечаянно лизнул холодный прут решётки, и язык у него примёрз!

Он не знал, что делать. Попробовал крутить головой — больно! Упёрся одной лапой в решётку и хотел откинуть голову назад — больно!

Второй медвежонок увидел, что его товарищ попал в беду, испугался, убежал в конуру и с испугом глядел оттуда на меня.

Я побежал домой, принёс тёплой воды и осторожно брызнул ею на прут. Железо нагрелось, и язык у Лакмки отлип. Но перепуганный зверушка так и не тронулся с места: он сидел с раскрытым ртом, пока я не сунул ему конфету. Потом вскочил, закружился в загоне, прошёлся на задних лапах, но к решётке так и не подошёл.

С тех пор, до самой весны, медвежата свободно разгуливали по загону, резвились, играли, но никто из них не решался тронуть языком холодные от мороза прутья решётки.

К а р у с е л ь

Конечно, не все медведи делались такими злобными, как Ерёмка. Бывали медведи и добрые: всё зависело от того, как за ними ухаживали. А с добрым словом да с любовью всякого зверя можно так выучить, что будет он похож на услужливую и ласковую домашнюю жучку. Но таким дикий зверь может стать только после долгой, хорошей дрессировки.

Лично мне дрессировать зверей не приходилось: я ловил их и отправлял в тот город, где они были нужны. Мои звери были дикими. А дикий зверь, как его ни ласкай, всегда сердитый: то норовит зубами схватить, то когтями царапнуть. Кормишь его, ходишь за ним, а всё остерегаешься.

Но был у меня один медведь, по кличке Кузя, — отменный добряк. И никакой особой школы не прошёл, а словно и не зверь — смирный, как телёнок.

Вспоминаю я его, и он куда приятнее, чем те многие учёные звери, что выступают в цирке. Такие медведи, как Кузя, только у бродячих цыган бывали и показывали за деньги всякие штучки: как мужик из кабака шёл пьяный; как девица по воду ходила; как бороться надо, чтоб не драться, не кусаться, ниже пояса не браться.

Кузю я поймал, когда ему и трёх месяцев не было. Жил я тогда в Охотске, ловил тюленей. А когда этот медвежонок попался да оказался такой послушный, ласковый, я и решил — никуда его не отдам пока, пусть у меня живёт.

Через два года Кузя так вырос, что стало в нём пудов пять. Но никого он не трогал, я его и на цепь не сажал: гулял со мной медведь по городу и завёл большую дружбу с ребятишками.

Зимой, в каникулы, устроили школьники карусель: вморозили на катке большой кол, надели на него колесо от телеги, привязали длинную жердь, а к ней — санки. Двое — трое садились в эти санки, а остальные крутили колесо, и катались ребята по льду так, что дух захватывало.

Пришёл я как-то посмотреть на детскую забаву; со мной, конечно, приплёлся и Кузя.

Ребята и надумали:

— Вот бы научить Кузю колесо вертеть!

Я показал медведю, как это делается. Смекалистый зверь быстро понял, чего от него хотят. Только взялся он слишком горячо и такую приложил силу, что жердь треснула и обломилась.

Принесли новую жердь, и Кузя стал делать круг за кругом. Дети сбежались со всего города, прицепили ещё санки, ещё одни! А медведь крутит за десятерых, и всё ему нипочём!

Долго он катал ребят, потом устал, развалился на льду. Дали ему сахару. Он снова сделал два круга, сел возле колеса и ждёт, когда ему ещё сладкого поднесут. Дали конфету. Он ещё три круга сделал — и баста: подавай расчёт! Не знаю уж, сколько сахару и конфет передавали ему ребята, только он исправно работал до позднего вечера; а пришёл домой, свалился как убитый и спал до утра так крепко, что ни разу и не проснулся.

Оказалось, что и весной нашлось Кузе место в детских забавах.

Ребята делились на две группы и расходились шагов на тридцать одна от другой. А Кузя возил их — туда и обратно. И за каждый рейс получал по конфете.

Работал он честно. Поехала как-то на нём маленькая девочка, не удержалась и упала. Так Кузя остановился, лёг, чтоб девочке было удобней забраться к нему на спину, и довёз её до места.

Летом пришёл приказ: ехать мне на Север, ловить белых медведей.

Кузю я не мог взять с собой. И как ни жалко было расставаться с таким умным и добрым медведем, пришла наша разлука.

Я отвёл медведя на пароход, и увезли моего косолапого друга во Владивосток.

Встретиться нам больше не пришлось...

Белянка и Белячок

Наша группа звероловов сделала остановку на берегу Карского моря.

Погода была отличная. И сказочной казалась беспредельная тундра, богато украшенная цветами.

Мы любовались красотой летней тундры, над которой и день и ночь стояло нежаркое солнце, ловили зверей и птиц.

Как-то под вечер, когда все мы сидели вокруг котелка, готовясь к ужину, на берег вышла белая медведица, а с ней — два малыша. Зверь появился так неожиданно, что мы и не придумали, как его поймать. А потом заспорили, зашумели; медведица кинулась в море, малыши замешкались; и хоть бежали мы за ними по круглым морским галькам немало, всё же поймали.

Медведица дважды подходила к палаткам ночью, но мы отпугнули её выстрелами. А на другой день ушли на лодке в новый район и взяли с собой медвежат.

Белянка и Белячок, как мы прозвали этих малышей, вели себя в лодке тихо, но в первый день к еде не притронулись, хотя мы и предлагали им свежую рыбу, сахар и консервированное молоко.

На другой день, и то к вечеру, Белячок немного осмелел и лизнул с ложки сладкого молочка, за ним — и Белянка. А уж на третий день наши маленькие друзья свободно расправились с целой бан-

кой. Потом и суп стали есть и рыбу, но только варёную.

Мы прошли вдоль берега километров двести, углубились в тундру, раскинули палатки возле небольшой речки и из валежника сделали медвежатам маленький домик.

Медвежата быстро освоились с новым местом и иногда так далеко уходили в тундру, что приходилось бросаться за ними в поиски.

Такая беготня нам надоела, и я предложил:

— Пусть дежурный привяжет сегодня Белячка, а Белянку пустит гулять одну. Посмотрим, что из этого выйдет!

А вышло очень хорошо. Белячок сидел и спал у палатки рядом с дежурным, а Белянка бегала и бегала вокруг лагеря, но далеко не уходила, всё возвращалась поглядеть на своего братца. На другой день гулял Белячок, но и он далеко не отлучался. Так мы и приучили медвежат держаться возле палаток.

Был у нас повар, большой шутник. Как-то он позвал нас обедать, а медвежатам ничего не дал, хотя они всегда получали пищу вместе с нами. Так Белячок подошёл к нему, стал служить на задних лапах, а потом рассердился и за штаны дёрнул!

Повар покормил медвежат, но и нажил себе хлопот. Теперь они, как только хотели получить еду, всякий раз вертелись у него перед носом, служили, тянули его за куртку.

К концу лета и Белячок и Белянка стали большими, с добрую овчарку.

Как-то я затеял борьбу с Белячком. Ему это очень понравилось, и он боролся упорно, но страшно обиделся, что я его положил на обе лопатки. Он забился в свою хатку и не пришёл ко мне, хотя я и колотил своей ложкой по пустой банке.

Поборолись мы с ним и на другой день, и я ему поддался. Белячок положил мне голову на грудь, смотрел на меня лукаво и словно говорил:

«Хоть ты и здоровый дядя, а я с тобой справился!»

Через неделю к нам прилетел самолёт. Мы посадили и Белянку и Белячка в крепкие брезентовые мешки, и медвежата улетели в Москву, в Зоопарк.

ВСТРЕЧИ С ТОПТЫГИНЫМ

Опытному зверолову поймать в тайге медвежонок — работа не такая уж трудная.

Встречал я на своём долгом веку замечательных ловцов: они брали за сезон и по десятку зверят. Иной так ловко и быстро устроит дело, словно это и не медвежонок, а воробей, что за окном чирикает. Но, конечно, таких ловцов очень мало, да и встречались они в те годы, когда медведей было побольше.

Главное, знали ловцы, где ходит медведица с медвежатами, когда к ней лучше подобраться, как у неё малышей отбить.

А когда уже медвежонок перед глазами, взять его просто: зверь он ещё несмышлёный, далеко не убежит, разве что на дерево вскочит; злобности звериной в нём ещё нет; к человеку идёт он доверчиво и в неволе совсем не капризный.

Совсем иное дело — большой, да ещё старый медведь. Зверь осторожный, злобный, и такая страшная сила в нём — крепкое деревце валит с корнем, камни ворочает тяжёлые — пудов до пяти. Его и перехитрить нужно, и заставить врасплох, и связать так, чтоб не вырвался. Один на один к нему и не подступишься, надо сообща, гуртом, и чтоб помощники были люди не из робкого десятка.

Приходилось мне лавливать таких зверей не один раз. Но про все встречи с топтыгиным я уже и не помню: расскажу, что осталось в памяти.

С л у ч а й н а п а с е к е

Я работал тогда во Владивостоке, а в свободные дни ездил на охоту к деду Отрошко.

Дед был дряхлый, глухой. Он заведовал колхозной пасекой, иногда охотился и всегда встречал меня, как самого близкого друга.

Однажды я приехал к нему в конце лета.

— Беда, Алексеич! — сразу же пожаловался дед. — Повадился ко мне медведь ходить. Два улья на пасеке разорил, третий в тайгу отнёс. Пошёл я вчера по следу: улей разбит, пчёлы погибли. Не знаю, что

и делать: зверь ходит ночью, а я уж больно слаб глазами стал, не пойму — где медведь, а где куст густой.

— Что-нибудь придумаю, — успокоил я старика. — Горю твоему надо помочь!

— Вот бы дело! — обрадовался дед и стал разводить самовар.

Попили мы чайку с мёдом, легли спать, а утром пошли поглядеть, где озоровал медведь.

Прямо возле пасеки протекала речка, на её берегу росли липы, орешник. За поляной начинался большой хвойный лес, в нём — высокая, немая трава. Местечко красивое! Но медведь не красоту здесь искал, а где-то тропку нашёл, по которой ходил на пасеку воровать. А воры крадутся тихо, по кустам прячутся. И выходило, что к деду Отрошко медведь мог добираться только берегом речки, сквозь густой орешник.

Я всё это обдумал и спросил:

— Есть у тебя большая липовка, в которую мёд сливаешь?

— Есть.

— Где она?

— Пойдём! — И дед повёл меня в омшаник.

Я выбрал новую липовку, широкую, как бочка. Она была сделана из толстого обрезка очень старой липы, но продолблена не насквозь: дно у неё было отличное, крепкое. Я смастерил крышку, чтобы можно было захлопнуть эту бочку-липовку, и приделал затвор, чтобы крышка запиралась. А около дна просвер-

лил три круглые дырки, чтоб в закрытую бочку проходил воздух.

Мы с дедом перенесли липовку на берег речки и положили на поляне возле орешника. А поперёк тропы, где мог пройти зверь, перекинули длинную жердь — от бочки до самой речки. Жердь смазали мёдом и на дно бочки положили пчелиные соты.

Дед помогал мне и всё делал так, как я ему велел, но в затею мою не верил:

— Мудришь, Алексеич! Да нешто можно такой штукой обдурить медведя?

— Поживём — увидим!

Пока мы возились с бочкой да обедали, наступил вечер. А когда село солнце и начало темнеть, мы взяли ружья и спрятались в кустах.

Прошло минут тридцать, и я услышал чьи-то осторожные шаги.

— Слышишь, вроде идёт кто-то? — громко шепнул я старику в самое ухо.

— Чего? — спросил он. А потом догадался, о чём речь, и тихо ответил: — Может, Никита идёт.

Был у старика дружок Никита, рыбак, так он ходил иногда на пасеку, в гости к Отрошко.

Я напярэг зрение и увидел медведя. Видно, заметил его и старик: он схватил меня за плечо, рука у него дрожала.

Медведь был небольшой, но шёл он осторожно, обнюхивал наши следы возле жерди. Постоял, послушал, встал на задние лапы... И хоть страшными казались ему наши следы, запах мёда влёл его с неудержи-

мой силой вперёд. Он приблизился к жерди, начал слизывать мёд. Дошёл до липовки, глянул в круглую чёрную дыру, но не полез туда, а огляделся и пошёл к речке. Там напился... И показалось мне, что не вернётся он к бочке, уйдёт.

Я уже поднял ружьё и накинул стволы на зверя. Но он не ушёл, вернулся к бочке, где так вкусно пахло мёдом. Покрутился у входа и даже рывкнул для храбрости. А потом нагнул голову и полез в липовку.

Как только медведь скрылся там, я дёрнул за верёвку, крышка хлопнулась и закрылась на щеколду. Я выскочил из кустов, подбежал к липовке и обвязал её верёвкой, чтобы медведь не вырвался.

Дед Отрошко осмелел, подбежал ко мне и залился смехом:

— Вот леший! Ну и хитёр же ты, Алексеич, — как медведя обдурил! Гляди-ка, липовка ходуном ходит!

Действительно, медведь так вертелся в бочке, что она шевелилась. Но я знал, что он не вырвется, и решил оставить его здесь до утра.

По дороге к избушке дед Отрошко всё пытался меня:

— А куда мы медведя денем?

— Во Владивосток, в комбинат отправим. А оттуда — за границу. И будет жить наш медведь во Франции или в Греции.

— А как же на станцию повезём?

— Лошадь достанем.

— Эх, лошади нет! Придётся к Никите идти, он даст.

Утром, когда я ещё спал, дед Отрошко приехал на телеге. С большим трудом мы вкатили на неё липовку с медведем и поехали на станцию.

С первым же поездом наш пленник отправился во Владивосток.

Как заснул злой Красавец

Я приехал на Камчатку заготовить куниц и соболей и познакомился со старым охотником Третьяковым, который жил в деревне Сероглазки.

Ивану Сидоровичу шёл тогда сто третий год. Волосы и длинная борода были у него белы как снег, но держался он бодро.

В избе у старика сидели ещё два деда, тоже седые, но коренастые, крепкие. Я думал, что это соседи Третьякова, но оказалось, что я ошибся.

— Сыновья мои, — сказал Иван Сидорович. — Андрюшке — семьдесят восьмой, а Петька совсем ещё молодой: ему в позапрошлом году только восьмой десяток пошёл!

Семейка у Третьякова была обширная: четыре дочери, почти два десятка внуков и правнуков. Многие из них охотники, и я заключил с ними договор — ловить для нашего комбината во Владивостоке куниц и соболей.

Когда Иван Сидорович провожал меня до калит-

ки, во дворе я увидел группу ребятишек. Подталкивая друг друга, они с любопытством глядели через щель в сарай.

— Там медвежонок, — сказал Иван Сидорович. — Хотите взглянуть?

Старик открыл ворота. С радостным визгом бросился к его ногам маленький медвежонок.

Я его взял за загривок; он был совсем ручной. Шерсть у него, мягкая и серебристая, была так же красива, как у чернубурой лисы.

Я попросил Ивана Сидоровича продать мне медвежонка. Старик уже дал согласие, но правнуки его подняли такой рёв, что он руками развёл и сказал:

— Ты уж обиду против меня не держи, сам видишь: нельзя продавать Красавца!

Так я и уехал.

Ровно через год я снова приехал по делам на Камчатку и, конечно, зашёл навестить Третьякова.

Едва я вошёл в дом, как со всех сторон окружили меня ребятишки:

— Дяденька, купи нашего Красавца!

— Так вы же об этом и слышать не хотели!

— Да, он такой злой стал: дяде Антипу ногу поранил, на нас кидается!

Иван Сидорович подтвердил:

— Озлился Красавец — внуку ногу помял и меня знать не хочет. Я бы его давно пристрелил, да всё тебя ждал, — может, возьмёшь живого.

— Медведь мне нужен. Только вы про него больно страшно рассказываете. Надо посмотреть.

Мы подошли к сараю. Я открыл половину ворот и тотчас же отшатнулся: большой и сильный зверь бросился ко мне и мощным ударом лапы оторвал правый рукав и часть полы у моей кожаной куртки. Я упал навзничь к ногам старика, и это меня спасло: рука осталась цела, привязанный медведь уже не мог до меня дотянуться.

— Да, надо подумать, как взять такого чёрта, — сказал я, поднимаясь и стряхивая пыль с одежды.

А медведь рвал в клочья мой рукав и страшно ревел. Он неистовствовал, когда мы закрыли ворота, бил в них лапами, совал нос в подворотню и так грозно дышал, что у ворот заклубилась пыль.

Мы вернулись в избу, и у меня созрел план, как увезти отсюда такого медведя живым.

У меня было с собой три бутылки спирта. Иван Сидорович принёс из омшаника большой таз, в котором было килограмма два янтарного мёда. Мы смешали спирт с мёдом и осторожно подсунули таз в подворотню сарая.

Свирепый Красавец долго ходил вокруг таза, обнюхиваясь и трясая головой. Запах спирта отпугивал его, сладкий, пахучий мёд манил. Он набрался наконец смелости, лизнул мёд на краю таза, отпрянул, огляделся, потом подошёл к угощению, храбро засунул нос в месиво и зачавкал.

— Считай, что твой Красавец уже поехал в Петропавловск, на пристань, — сказал я Ивану Сидоровичу. — Зови сыновей, давайте ящик делать!

Часа через два крепкий ящик был готов. Мы его крест-накрест и по бокам опутали толстой проволокой и крышку приделали так прочно, что её и слон не мог бы оторвать.

В сарае было тихо, когда мы туда заглянули. В тазу не осталось ни капли спирта, ни капли мёда — Красавец всё вылакал начисто. Сам он был пьян, как говорят, в стельку. Он молча катался по полу, а когда приподнимал голову, она падала, как большая тыква.

А через несколько минут медведь лежал в углу сарая, не шевелясь.

Я распахнул ворота, подошёл к зверю и тронул его за гачи: он даже не вздрогнул. Я пнул его ногой в бок — он этого не почувствовал.

— Давайте ящик, — сказал я, — да помогите мне впихнуть в него этого пьяницу!

Мы втащили медведя в ящик, закрепили крышку, звалили на телегу.

Пьяный Красавец спал всю дорогу до Петропавловска. Не видел он, как грузили ящик на пароход, и проснулся, когда мы были уже в пути.

За кормой билась вода, лёгкий ветер дул с океана.

Красавец сидел в ящике, рычал и грыз доски, но уже никому не было страшно.

М е д в е д ь с б е л ы м н о с о м

Одно время я работал в Перми. Невдалеке от меня жил лесник Васенин. Он часто бывал в отъезде: его

участок находился в глухом бору, между речками Малая и Оса.

Однажды вернулся Васенин из объезда и сказал мне:

— Странный какой-то медведь живёт у меня на участке. Еду я недавно вдоль Малой, вижу — идёт медведь. Шёл-шёл и наткнулся на пенёк. Чудеса! Ткнулся в него мордой, отступил немного и повернул в сторону. Там малинник. Медведь потянул носом и стал шарить передними лапами. Ощупал куст, притянул его к себе, стал ягоды обирать. Слез я с коня, близко подошёл к медведю. А он меня и не учуял и глядеть на меня не захотел. Худой такой медведь... Бурый, с рыжиной, и на носу — белая полоса. Я его пожалел. Дай, думаю, вам расскажу об этом. Что всё это значит?

— Надо поглядеть. Когда будете на участке?

— Завтра.

— Вот я и поеду с вами.

Мы провели на участке весь день, но с медведем так и не встретились.

Я уехал домой, а Васенин остался и сказал, что приедет за мной, как только вновь увидит необычного зверя.

Приехал лесник дня через три. Мы прошли с ним километра два по берегу речки Малой и неожиданно столкнулись с медведем: он лежал, привалясь к старой колодине, и крепко спал. Видно было, что зверь истощён: шерсть была не густая; на боках сквозь неё лесенкой выступали рёбра.

Мы стояли от медведя так близко, что хорошо была видна узкая белая полоса, которая тянулась по верху бирюльки от правой ноздри к глазу. Я кашлянул, но медведь не вздрогнул, не повернулся.

— Бегите к сторожке, — шепнул я Васенину. — Давайте сеть, мы его мигом накроем.

Васенин сбегал за новой рыбацкой сетью. Мы сложили её вчетверо, осторожно подошли к спящему медведю и накрыли его. И пока он с перепугу разбирал, что к чему, мы уже крепко связали его по ногам. Потом он поревел, но скоро успокоился. А к вечеру мы уже доставили его в город.

Кормил я его хорошо, обращался с ним ласково, и скоро он стал сытым и совсем ручным.

Но уже в первый день я понял, что он слеп и что чутьё у него развито плохо. Он натыкался на забор, на столбы и не сразу находил миску с едой, которую я ставил ему во дворе в определённое место. Меня он узнавал по голосу и, когда подходил, тыкался носом в колени и начинал ласкаться.

Скоро меня вызвали в Москву, и я оставил своего слепого медведя у знакомых. Он прожил больше года, потом стал хворать и умер.

Медведя вскрыли в ветеринарной клинике. Оказалось, он ослеп потому, что в него стреляли. Пуля прошла под кожей от кончика носа до правого глаза. На носу, где была рана, выросла полоска белой шерсти. Глаза у медведя не потускнели. Но он не мог видеть, потому что пуля повредила ему зрительный нерв.

Поединок в тайге

Среди Саянских гор, на поляне, жил в избушке лесник Иван Данилович, с которым я иногда ходил на охоту. Но чаще мы с ним ловили зверей: он был хороший следопыт, прекрасно знал свою тайгу и помогал мне очень умело.

Однажды мы собрались с ним обследовать новые места, но его неожиданно вызвали в Ачинск.

Я огорчился.

— Так ведь ненадолго, Алексеич, — успокоил он меня. — К тому же, у тебя будут помощники. Ребята молодые, оба комсомольцы, тайгу знают неплохо. Нынче же они и приедут.

К вечеру, когда Иван Данилович стал собираться в отъезд, прибыли на лодке мои новые помощники — Зубатов и Лосев. Они привезли медвежонка и десять больших тайменей. Рыба эта отличная, и мы хорошо угостились вкусной ухой.

Я рассказал ребятам, что хочу осмотреть места, где можно расставить ловушки на маралов, и утром они повели меня в горы вдоль берегов реки Чулым.

Мы поднимались среди кедров, в густой заросли трав и выбрались на вершину скалы, где всё чаще и чаще стали встречаться следы маралов. Я нанёс план местности на бумагу, а на кедрах сделал большие затёсы топором, чтобы в другой раз легче было найти эти охотничьи уголья.

Начали мы спускаться к реке, где оставили все

свои лишние вещи, да и солнце перевалило далеко за полдень — надо было подумать об обеде.

Зубов вдруг остановился и тронул меня за рукав:

— Глядите: медведь!

— На задних лапах! И чего-то приплясывает! — добавил Лосев.

Я глянул в бинокль: медведь плясал не зря — он топтался возле куста, где стоял большой марал с ветвистыми рогами.

Такой поединок между двумя могучими животными увидишь не часто, и ребята стали торопить меня подкрасться к зверям поближе.

Мы пробежали метров триста да ещё долго ползли на брюхе, пока не добрались до большой кучи валежника, где перевели дух. И стали наблюдать. Лесные великаны, разгорячённые жарким боем, были так близко, что я увидел, как горят злобой глаза у марала, как вздрагивает шерсть на холке у медведя.

Медведь был молодой и не знал, как подступить к маралу, который грозно направлял на него рогатую голову и изредка громко бил копытом по земле.

Медведь пятился, забегал справа, крался слева. Всё ему хотелось зайти к маралу сзади, но тот не зевал: подпрыгивал на месте и опять угрожал своему врагу острыми рогами.

Медведь отбежал и сел на землю, словно раздумывая, на что же ему решиться. Затем он мотнул головой, быстро вскочил; промчался шагов пять вперёд,

дико заревел, сильно оттолкнулся от земли и полетел на марала.

Марал сжался и с огромной силой ударил рогами в медвежье брюхо.

Медведь глухо охнул и вонзил когти маралу в бок. Затрещала кожа на марале, раздираемая острыми когтями. Но марал не упал, только часто-часто задрожали его тонкие, стройные ноги. Медведь громко лязгнул зубами, но промахнулся. Марал собрал силы, страшно мотнул головой, и окровавленный медведь полетел под куст.

Марал сделал шаг назад, вскинул передние ноги на тушу медведя — и забарабанил ими по рёбрам своего побеждённого врага.

Медведь рывкнул, но не поднялся. Марал гордо закинул голову и, оглядываясь, медленно пошёл среди кедров, пока не скрылся из наших глаз.

— Сплоховал медведь! — сказал Лосев. — Пойдём добьём его...

Лосев вскочил, за ним Зубатов. Но я умерил их охотничий пыл:

— Не торопитесь, хлопцы! Живой медведь мне дороже мёртвого. А этого, если он жив, мы возьмём проще простого.

Мы осторожно подошли к зверю.

Он был жив и тяжело дышал, закрыв лапой большую рану, из которой сочилась кровь.

Мало было надежды спасти его: он не шевельнулся, когда я связал ему лапы и чистым носовым платком кое-как заткнул дыру на брюхе.

Спотыкаясь на камнях, мы еле-еле донесли раненого зверя до реки, положили его в лодку и к вечеру доставили в избушку Ивана Даниловича.

Зверь открыл глаза, и я влил ему в рот немного сладкой воды. Он не сопротивлялся и не выказал желания укусить меня или подняться и бежать.

Я дежурил возле него до полуночи, потом заснул. А когда стало светать и я открыл глаза, медведь был мёртв.

ХОЗЯИН УССУРИЙСКОЙ ТАЙГИ

На Дальнем Востоке хозяином тайги зовут тигра.

Этот рыжий полосатый зверь с длинным хвостом — хозяин злобный и сильный: нет сильнее его зверя у нас в стране! Медведю с ним и не стоит тягаться, и там, где тигр охотится, медведь всегда уступает ему свои владения.

Ходит тигр мягко, неслышно, как кошка; крадётся к добыче ловко и просто сваливается ей на голову: прыгает он удивительно легко и далеко — шагов на десять—пятнадцать.

Ловит он быстроногих оленей, маралов, нападает даже на старых кабанов, у которых большие клыки-бивни, острые, как бритва; режет скот на пастбищах, бросается и на людей.

Был такой случай: пришлось и мне полежать под тигром, и на всю жизнь остался у меня заметный шрам на ноге...

Со своим приятелем доктором Расторгуевым пошёл я однажды поохотиться на фазанов.

Охота была хорошая, и мы возвращались в село, обвешанные длиннохвостыми золотистыми птицами.

Возле сухого озера, сплошь заросшего камышами, собаки пошли по следу, и доктор приготовился сделать ещё раз выстрел по фазану.

Но собаки вдруг ошетинились, как-то сжались и бросились нам под ноги.

— Не рысь ли тут? — спросил доктор.

— Возможно, даже и тигр, — ответил я.

Мы вовсе не были подготовлены для встречи с таким зверем, и доктор сказал:

— Надо уходить... Как бы он собак не задрал.

Я нагнулся, чтобы взять своего пса за ошейник. В камыше послышался шум, и огромный зверь одним прыжком очутился у меня на спине.

Почти одновременно прогремел выстрел: доктор не растерялся и в упор выстрелил тигру в ухо.

Зверь был убит. Но он успел сбить меня на землю и, когда судорожно дёрнулся задними ногами, разорвал кожу с мясом на моей левой голени. Едва не

потеряв сознание от острой боли, я остался под зверем.

Доктор Расторгуев сташил с меня тигра, сделал мне перевязку и ушёл на ближайшую пасеку за лошадьё.

Когда часа через два меня положили на телегу, в камышах кто-то завозился и запищал.

Уже спустились сумерки, и я сказал, чтобы доктор и возница не лезли в камыши. Но опасения наши оказались напрасными: в зарослях возились два тигрёнка, мать которых была недавно убита. Тигрят поймали, посадили возле меня и тигрицы на подводу и привезли на пасеку.

И эти тигрята достались мне в награду за то, что их свирепая мамаша хотела поужинать старым звероловом...

Бывали всякие тяжёлые случаи и у других охотников, когда тигр заставлял их врасплох.

Но я никогда не выходил на ловлю тигров один. А с хорошими, верными друзьями да с опытными охотниками поймать тигра можно. И хотя дело это нелёгкое и всегда есть какой-то риск, жизнь моя почти ни разу не подвергалась смертельной опасности.

Конечно, старого и очень сильного зверя поймать тяжело, очень тяжело. Но иной раз и нужды в этом нет — только скрутишь его, а он уже мёртв. Такой страшный зверь этот тигр, а часто умирает от разрыва сердца и живым в руки не даётся.

Видел я это сам, об этом же рассказывали мне

знающие охотники. Старые тигроловы обычно объясняли это полушутя:

— Не хочет зверь нам сдаваться, умирает от злости, от досады. Я, мол, такой могучий и вольный, и вдруг связали меня эти людишки!

Старого тигра захватил я живьём всего лишь один раз, а больше ловил маленьких тигрят, которые ходят в тайге с тигрицей.

Выводок не живёт подолгу на одном месте, а коцует, ищет, где можно пожить мясом: поймать козу, оленя, кабана или хотя бы зайца.

Я не сидел в тайге и не ждал, когда придёт ко мне тигрица с малышами. У меня повсюду были верные товарищи, и они давали мне знать, как только видели на снегу свежий след тигриной стаи — тигрицы и двух тигрят.

Я приглашал с собой охотников — человек пять. Мы брали всё необходимое для ловли — продукты, ружья, собак, сети, рогатины — и уходили в тайгу не на один день.

Как только обнаруживали след, мы устремлялись по нему обычно на лыжах, а собак пока держали на сворках. Пытались как можно ближе подойти к выводку и отделить тигрицу от детёнышей. Конечно, если детёныши уже выросли — например, с хорошую овчарку, — сделать это было гораздо труднее.

Когда подходили к зверям близко, старались не шуметь, чтобы тигрица нас не обнаружила, иначе она пойдёт на хитрость: оставит детёнышей где-либо в ку-

стах, а сама делает круг, зайдёт к нам сзади и бросится, чтобы загрызть ловца или его собаку.

В последние дни, когда до зверей уже оставалось недалеко, мы шли охотничьим строем, соблюдая осторожность: двое с собаками впереди — они двигались по следу; двое — по бокам, метрах в десяти, а один — сзади; он прикрывал группу с тыла.

Мы преследовали выводок дней пять, как говорят — «висели у зверей на хвосте», не давали им заняться охотой, брали их измором. Конечно, очень уставали и сами, потому что бежали по следу весь день — с рассвета до темноты, ели ночью, костра не разводили, тревожно спали на снегу часа три в сутки.

Голодные тигрята так уставали в конце концов, что бежать уже не могли: постепенно они замедляли свой шаг, а потом уже и вовсе ползли на брюхе вслед за матерью.

Как только тигрята начинали ползти, мы пускали на них собак, а сами начинали шуметь. Тайга вдруг оживала: рычали, визжали и лаяли собаки, мы кричали и стреляли.

Тигрица отбегала от выводка, и за ней мы посылали одного опытного охотника. Он бежал по её следу на лыжах и всё время стрелял. Напуганная выстрелами и ослабевшая от голода, тигрица убегала далеко в тайгу и уже не могла помешать нам ловить её тигрят.

Тигрята редко бывали рядом, вместе. Обычно тот, кто посильней, уходил дальше, и мы сначала нападали на более слабого, который находился ближе к нам.

Собаки окружали зверёныша и начинали громко лаять на него. Он ложился на спину и начинал отбиваться от них сильными, большими лапами.

Мы подбегали и брали его в кольцо. У нас были рогатины, и этими орудиями мы старались прижать голову тигрёнка к земле. И когда это удавалось, один охотник держал рогатину, остальные наваливались на зверя, надевали намордник, связывали лапы, и тигрёнок был наш.

Со связанным тигрёнком оставался один охотник и зорко глядел по сторонам, держа ружьё на изготовку. А мы пускали собак по следу второго тигрёнка, настигали его и таким же манером ловили.

Связанных тигрят клали на лыжи и везли в охотничью избушку, где для зверей уже была приготовлена клетка. Запирали туда пленников и везли их на ближайшую железнодорожную станцию. А уж оттуда — во Владивосток, на базу живых пушных зверей.

И пойманные нами тигрята скоро попадали в зоосад или в цирковую труппу к хорошему дрессировщику и через два—три года показывали всякие интересные номера на ярко освещённой арене...

Старого тигра я отправился как-то ловить в ноябре: из Москвы пришло тогда задание взять живым такого зверя.

Зима была в тот год снежная.

Мы снарядились в дорогу, ранним утром вышли из дому и направились в тайгу, где недавно видели свежий след зверя, крупный, как большое блюдо.

Впереди я шёл со своим Байкалом — умным и сильным псом, который понимал меня с полуслова и безотказно выполнял все мои приказания.

В неподвижном воздухе скоро начали кружиться пушистые хлопья снега. И прежде чем мы добрались до того места, где прошёл тигр, снег завалил все следы в тайге. Так мы понапрасну потеряли первый день.

На другое утро нам посчастливилось: Байкал прихватил след. Он обнюхал его и стал лаять. Я тихо свистнул и заставил собаку замолчать.

Судя по следу, тигр был большой, и шёл он по тайге спокойно.

Километра через два увидали мы остатки его обеда — голову и ноги косули — и пошли дальше тише, осторожнее. Сытый зверь не мог уйти далеко, надо было готовиться ко встрече с ним. О такой близкой встрече говорило нам и поведение собак: мы спустили их со сворок и послали в поиск, но они не рвались вперёд, а робко жались к нам.

Мы осмотрели, проверили оружие и специальные палки, окованные железом, которые применяются при ловле больших тигров. Обсудили, что делать, и двинулись дальше.

Шли мы котлом, полукругом, и скоро правофланговый подал сигнал: он увидел логово спящего тигра.

Я навёл Байкала на зверя, он бросился на него; все собаки помчались вслед.

Раздался оглушающий рёв в пещере; зверь развер-

нулся, как стальная пружина. В воздухе мелькнуло длинное полосатое тело: тигр упал на собак.

— Не возьмём такое страшилище! Буду стрелять! — сказал я товарищу, который стоял ближе других.

— погоди! Попробуем счастья! — ответил он.

Байкал кинулся брать зверя за гачи. Тигр молниеносно вскинул лапу и так ударил её по собаке, что она упала к моим ногам мёртвая. Я бросился к тигру с пикой. Зверь чуть не выбил её у меня из рук, и она разлетелась на куски. В какое-то мгновение, которое могло стоить жизни, я успел сунуть в пасть ему ствол винтовки. Борьба была слишком неравная, и винтовка упала на землю. Я остался без оружия.

Но товарищи не сплеховали: пока тигр отнимал у меня винтовку, они забежали сзади и прыгнули ему на спину. Кто-то успел сунуть ему палку в раскрытую пасть, я накинул на толстую, круглую голову большой стальной намордник. Остальные товарищи схватили лапы ремёнными петлями. Наконец-то зверь был связан и укрощён!

Но ловля этого тигра обошлась нам дорого. Один наш товарищ обливается кровью: тигр оборвал у него на правой руке три пальца. Собаки зализывали раны, Байкал умер.

Мы перевязали рану товарищу, отдохнули, сделали из лыж сани и четыре дня везли по снегу своего пленника до города Имана.

А там он попал в большую железную клетку и поехал в ней в Москву, в Зоопарк...

Не часто вырастают из медвежат такие послушные, добрые звери, как мой Кузя, который играл с детьми и крутил для них карусель.

Ещё реже становятся ручными и добрыми взрослые, старые тигры.

Маленькие тигрята привыкают к человеку: они игривы и ласковы, как кошка. Но какой бы ласковой ни казалась эта большая полосатая кошка, она не всегда платит человеку добром за добро. И когда ей начинается идти второй год, с ней надо держать ухо востро.

Помню я один такой случай.

Мои друзья поймали однажды маленького тигрёнка и подарили его директору владивостокского зверинца Горбунову.

Горбунов назвал тигрёнка Амуром, потому что поймали его недалеко от могучей и красивой реки Амур.

Тигрёнок жил в квартире у директора, был игрив и так привязался к хозяину, что даже спал с ним в одной постели.

На улицах Владивостока часто видели представительного мужчину, лет сорока, за которым бежал по пятам ловкий и шустрый тигрёнок. Целый год он бежал свободно, не на привязи, а потом Горбунов стал водить его на цепочке.

Чудесные, ясные дни долго стоят осенью на Дальнем Востоке. И вот в один из таких дней Горбунов прогуливался со своим Амуром по главной улице города. Прохожие с интересом смотрели на гуляю-

шего тигра, но из предосторожности уступали ему дорогу.

Возле городского сада Горбунову встретилась женщина с большим и сытым английским догом.

Амур ещё ни разу не видел таких крупных собак. Он внезапно припал к тротуару, гибкое и сильное тело его вдруг оторвалось от земли и полетело к догу. Горбунов не смог сдержать тигра. Зверь дико зарычал, собака взвизгнула, женщина упала в обморок. Горбунов бросился поднимать дерущихся, но было уже поздно: тигр задушил дога мёртвой хваткой за шею.

С этого дня проснулся в Амуре таёжный хищник, который почувствовал свою силу, и гулять с ним по городу стало опасно.

Горбунов поместил своего питомца в зверинец и начал дрессировать его с группой других тигров, которые тоже выросли в неволе. Амур поддавался дрессировке лучше других зверей.

Когда курс обучения молодых тигров был закончен, Горбунов захотел показать выступления зверей на арене цирка.

На последнюю репетицию он пригласил своих знакомых, в том числе и меня.

Заключительным номером большой программы была пирамида.

В клетку к тиграм вкатили две большие бочки и положили их набок, недалеко друг от друга. Горбунов, пощёлкивая кнутом, загнал двух тигров на бочки, и они образовали между ними живой мост. Двух других тигров он заставил прыгнуть к ним на

спины, и они расположились там поперёк, словно это была живая поленница дров. На вторую пару тигров взгромоздился Амур, и получилась красивая, хотя и очень шаткая пирамида из зверей. А сам Горбунов приставил к ней лестницу, осторожно поднялся по ней и сел на Амура верхом.

Мы с замиранием сердца смотрели на этот трудный номер и от души, громко аплодировали товарищу, который так хорошо обучил своих тигров.

Горбунов спустился, щёлкнул кнутом, и пирамида рассыпалась.

Мы поздравили его с успехом и сказали, что всё идёт блестяще, но он захотел повторить свой номер ещё раз. И сколько мы его ни отговаривали, он настоял на своём.

Горбунов снова забрался к Амуру на спину, снял шляпу и поклонился нам. Но пирамида качнулась, он не удержался и упал на опилки. Тигры вздрогнули, бочки раскатились, пирамида рухнула.

Горбунов оказался на спине. Амур упал прямо на него, прижал его передними лапами и угрожающе зарычал. Хотел ли зверь поиграть с хозяином или расправиться с ним, неизвестно. Но Горбунов упёрся тигру руками в шею и, потихоньку отталкивая его, успокаивающе приговаривал:

— Амур! Амурчик! Ну,пусти меня!

В публике началось смятение, да и я изрядно перетрусил за жизнь товарища. Мы бросились за брандспойтом, чтобы сильной струёй воды из пожарной кишки разогнать тигров, сбить с места Амура.

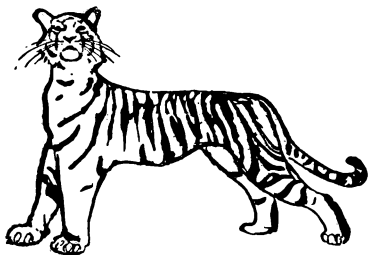
Но, на беду, у одного из зрителей оказался в кармане пистолет. И, никому не говоря ни слова, он выхватил оружие и стрельнул в воздух.

Амур вздрогнул. Что творилось в его башке, мы не знали. Но он схватил Горбунова за шею и потащил его к противоположной стенке железной клетки.

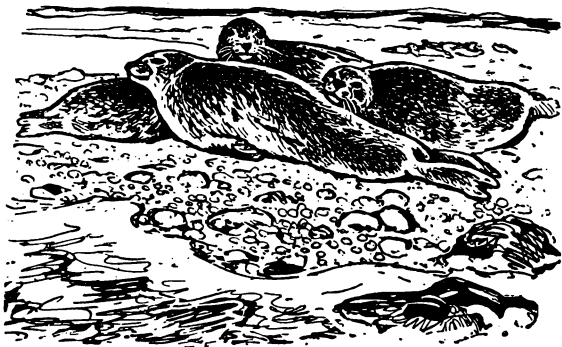
Там он бережно положил хозяина, а сам бросился в ту сторону, откуда раздался выстрел. Он встал на задние лапы, передними упёрся в решётку и угрожающе рычал, размахивая хвостом.

Когда мы выгнали тигров с арены и подошли к Горбунову, он лежал без движения. К счастью, это был лишь глубокий обморок.

Амур оказал своему хозяину печальную услугу: он спасал его от воображаемой опасности и едва не задушил.

С РУЖЬЁМ И БЕЗ РУЖЬЯ

Я ловил не только медведей и тигров.

На Каспийском море со своей бригадой охотников я подкрадывался к тюленям. По пути нас застал шторм, и мы еле-еле успели прибиться к какому-то острову и переждать непогоду.

Дело было в декабре. Перед рассветом мы забрались по плечи в холодную воду и полукругом охватили сетью маленький островок, на котором отдыхало много тюленей — тысячи три.

Я обошёл этот крохотный кусочек земли в море, вылез на берег и крикнул. Тюлени бросились в воду, и пятьдесят зверей попало тогда в нашу сеть. Так, в

волокуше, мы и доставили их на остров Жилой, где заранее была сделана большая вольера. Она начиналась на берегу и кончалась в море. И мы втащили в неё зверей, не вынимая их из воды.

Рассказываешь вот так — и всё очень просто.

А сколько сил нужно приложить, чтобы снарядить целую экспедицию на двух парусных лодках, мотаться на них по морю в непогоду, не спать, чтобы захватить зверей ночью, на лёжке! А потом везти их в Москву. Это тоже целая история.

Я продержал тюленей целый месяц в Баку, чтобы они хоть немного освоились с неволей. Потом погрузил их в поезд и повёз в Москву. Люки в вагоне были открыты, но тюлени задыхались: они страдали оттого, что не могли поплавать в воде. На каждой большой станции я поливал их из шланга. Первые же брызги необычайно волновали зверей: они вскакивали и с наслаждением подставляли головы под струю.

Тюлени отказывались от пищи и очень утомились за долгий путь, но были совершенно здоровы.

Из Москвы развезли их по зоопаркам в разные города. Пять зверей остались в московском парке, и их поместили в бассейн, который летом занимали морские львы.

Тюлени отлично перезимовали. Днём подолгу лежали на льду, медленно шевеля лапами. Скоро они привыкли к служителю, который ухаживал за ними, и, когда он приносил им рыбу в ведре, выскакивали из воды и наперебой бросались к нему...

Однажды поймал я на Чукотке молодого моржа.

Взял его на лёжке, когда он спал, осторожно накинув на него прочную сетку. И задумал продержать его до весны, до первого парохода, и затем уже сдать в зоопарк.

Прежде всего надо было подготовить какое-нибудь жилище для моржа. Но на Чукотке сделать это не так легко: во всей округе не было леса, а из маленьких, карликовых берёзок не построишь домика для зверя, в котором было почти сто килограммов веса.

Разговорился я с местными колхозниками — чукчами, и один из них сказал мне:

— Недалеко отсюда, на берегу моря, видел я большие кости. Вот из них и можно сделать ярангу для твоего моржа.

— Что за кости? — спросил я.

— Большой был зверь. И кости такие, что с тебя ростом.

Колхозник согласился показать мне место, где он видел длинные кости какого-то зверя. Мы поехали с ним на оленях, и километрах в семидесяти от посёлка, на обрывистом берегу моря, я увидел торчавшие из земли огромные порыжевшие кости.

Это были остатки мамонта — давно вымершего слона, который жил на Чукотке сотни тысяч лет назад.

Я собрал десятка два самых крупных костей, привёз их и начал строить. Выкопал четыре ямы и в них поставил кости, как столбы. Сделал стенки из рёбер мамонта, обложил их землёй и промазал глиной.

Крышу соорудил из моржовых шкур. И получился такой славный домик, что мой пленник чувствовал там себя превосходно.

Всю зиму я кормил его рыбой. Правда, ел он плохо, особенно в первое время, и похудел, но весной поправился и скоро совершил на пароходе путешествие во Владивосток.

В верховьях реки Кан на солонцах ловил я таёжных красавцев лосей: делал на них большие загородки с узким загонем в конце, похожим на коридор. И когда лось приходил лизать соль в загородку, я загонял его в клеть, которая стояла в конце коридора.

Лось страшно пугался меня. Он испуганно шаркался из угла в угол, дрожал, глаза у него наливались кровью. Но он скоро привыкал ко мне и становился смирным. Один лось ходил у меня зимой в упряжке, как лошадь.

Ставил я сети с бубенчиками на соболей, которые в глухой тайге зимой прятались в таком буреломе, куда и не подобрёшься. Бывало, увидишь, где кончился на снегу свежий след шустрого зверька, удивительно ловкого, юркого, оцепишь это место сетью,крепишь сеть колышками, а на ней повесишь бубенчики.

Выбежит ли соболь сам, спугнёшь ли его, он толкнётся в сеть, а бубенчики зазвенят, и узнаешь, с какой стороны надо ловить зверька.

Но бывали со мной и всякие другие случаи, о которых есть что рассказать старому зверолову.

Беглянка

Однажды осенью везли мы в большом товарном вагоне зверей и птиц в Москву. В клетках у нас было десять медведей, два тигра, сто уссурийских енотов, песцы, рысь, лебеди и фазаны.

На одной из станции около Байкала я вошёл с помощниками в вагон, где были звери, и увидел, что все они чем-то встревожены. Я кинулся к клеткам, где помещались хищники. Медведи и тигры были целы, но не оказалось на месте рыси.

— Осторожно, друзья! — сказал я своим помощникам, пятась к двери.

Рысь зашевелилась в тёмном углу. Мы сдвинули четыре клетки, которые были у нас на колёсиках, и стали чинить решётку, из которой рысь выдернула проволоку.

Когда починка была закончена, я сказал, что надо поймать хищницу, и полез с рогатиной в угол, чтобы придержать зверя.

В тёмном углу, среди клеток, которые стояли очень тесно, было неудобно орудовать рогатиной, и я промахнулся.

Рысь бросилась на меня. Помощники насилу отогнали её и очень перепугались, когда увидели, что мои руки и лицо залиты кровью.

Я вытер кровь и пошёл за брезентовым плащом, который был в соседнем вагоне, чтобы накрыть им зверя. Но попытка не удалась: зверь вырвал плащ и снова царапнул меня.

Опять я схватил рогатину, придавил рысь к полу и крикнул:

— Навалитесь! Хватайте зверя за лапы и тащите в клетку!

Но мои помощники не тронулись с места: они боялись идти к разъярённому хищнику.

Я убрал рогатину, загородил рысь клетками, поругался с помощниками и пошёл к себе в вагон.

Там я спросил у пассажиров:

— Есть тут охотники?

— А в чём дело?

— Мне нужны два смельчака! — И рассказал, каких зверей везём мы в столицу и как можно утихомирить свирепую рысь.

Смельчаки нашлись, и они пошли со мной в вагон, где были клетки.

Я снова полез на зверя с рогатиной. Мои новые помощники набросили на рысь мешки, навалились на неё, затем схватили за ноги и потащили по полу. Рысь упиралась изо всех сил, вырвалась и бросилась к двери. Кто-то успел закрыть её. Мы думали-думали, что нам делать, и решили набросить на зверя брезентовые мешки, а сверху — большой пустой ящик.

Это нам удалось. И как ни билась рысь о стенки ящика, мы впихнули её в клетку вместе с мешками.

А уж остатки мешков пришлось вытаскивать из клетки стальными крючками: зверь злобно рычал, не выпускал мешковину из лап и разрывал её на клочки...

Красный Бантик

Почти год прожил я на Чукотке. Жилищем служила мне небольшая землянка, которая стояла на берегу речки. До ближайшего селения было километров триста, и я почти всё время был один. Лишь изредка навещали меня чукчи, которые кочевали со стадами оленей по округе.

Морозным утром вышел я однажды проверить капканы: я тогда ловил песцов. В одном из капканов сидела лиса. Она вскочила, когда увидела меня, и стала метаться из стороны в сторону. А когда я подъехал вплотную, зарычала и схватила зубами за лыжу.

Я осмотрел лису: кость на лапе была цела. Вместе с капканом посадил я зверя в мешок, взвалил на плечи и отправился к землянке.

Там я снял капкан, смазал лисе помятую лапу бодом, и моя новая жилища юркнула в тёмный угол под кроватью.

Она сидела и лежала три дня и ничего не ела. Давал я ей белых куропаток, рыбу, зайчатину, но она к ним не притрагивалась.

Потом немного смирилась со своим положением и стала есть всё, что я ей ни подбрасывал. Кормить её было нетрудно: лиса неприхотлива в еде, она ест зайцев, птиц, рыбу, мышей, ягоды. Поэтому-то и встречается она в Сибири почти повсеместно.

Зимним вечером я лежал на кровати и читал книгу. Моя пленница вышла из своего угла, медленно

обошла всю комнату, осматриваясь по сторонам и принюхиваясь.

Я не двигался, почти не дышал. Но стоило мне шевельнуться, и лиса снова скрылась под кроватью.

Недели через три она уже свободно разгуливала по землянке, даже ласкалась, когда я подавал ей еду, и позволяла себя гладить. Мне удалось привязать ей на шею красный бантик.

Чукчи, которые заезжали ко мне по пути обогреться и попить чайку, смотрели на лису и восхищались: — Ай, какой хороший рыжий зверь!

Прошло месяца два. Я решил проверить, что станет делать лиса, если отпереть хотя бы одну дверь — в маленькую прихожую.

Я приоткрыл дверь и притаился на кровати. Лиса высунула нос и вдруг стремительно бросилась из комнаты. Я подошёл к ней. Она стояла перед закрытой наружной дверью и с укоризной глядела на меня.

Уже перед весной, когда скоро должно было показаться солнце, после долгой полярной ночи, я однажды плохо прикрыл за собой дверь, и лиса убежала.

Я тосковал по ней: одному жить всегда тяжело, особенно в тундре. А я был так далеко от людей! Да и ручных зверей у меня не было.

Наконец выглянуло солнце, стало как-то радостнее на душе, и однажды утром я пошёл глядеть капканы, напевая песню. Шёл, пел... и вдруг умолк — в капкане сидела моя лиса с красным бантом на шее!

Я обрадовался этой встрече, но лиса не хотела

признавать во мне хозяина, рычала и всё пыталась вырваться из железных тисков.

Нога у неё была перебита, и я наложил ей в землянке лубок.

Всё было знакомо моей пленнице в комнатке, но под кровать она не забилась, а улеглась у самой двери.

Один раз мне даже показалось, что она умерла. Я наклонился над ней, но она просто не шевелилась, а ноги у неё были крайне напряжены. Зверь хитрил: он рассчитывал выпрыгнуть за дверь, как только я её распахну.

Вскоре у моего Красного Бантика родились четыре лисёнка. Теперь лиса успокоилась и не порывалась уйти на волю. Я сам каждый день выпускал её погулять, но она скоро возвращалась и приносила детям то мышонка, то лемминга.

Так мы прожили до июля. А потом я отправился в Анадырь и сел на пароход, который отходил во Владивосток.

Красный Бантик и её дети благополучно доехали со мной. И всё это лисье семейство с Чукотки скоро поселилось в зверинце...

Рыболовный крючок

Недавно встретил я в городе Саянске старого своего друга Жукова.

Много переловили мы с ним всяких зверей, потом

занялись другими делами, дороги наши разошлись, и лет пять мы не встречались.

И до чего же приятно увидеть вдруг близкого человека, услышать его голос, пожать ему руку, вволю с ним наговориться!

У каждого из нас за плечами большая жизнь, есть что вспомнить. И проговорили мы с Жуковым за горячим самоваром до поздней ночи.

Он не мог жить без привычной тайги и работал лесником, далеко от Саянска. И утром предложил мне:

— Поедем, друг, ко мне в сторожку. Тряхнём стариной, с ружьишком походим. Хочешь?

— Конечно, хочу!

И мы отправились верхом в глухую тайгу, к маленькой избушке лесника, до которой добираться нужно было дня три.

Приехали под вечер. Жуков вошёл в сени и всплеснул руками:

— Вот злодеи! Поросёнка загрызли, подкоп сделали. Только кишки да нога валяются!

— Кто ж тут орудовал? — спросил я, слезая с коня.

— Да волки! Вот проклятушие!

Прошли мы от дома по следам шагов триста, нашли объединенную голову поросёнка.

— И, скажи ты, словно выслеживают меня звери! Чуть отлучусь, непременно шкodu сделают. В прошлом году лиса двух кур утащила, теперь вот волки поросёнка задрали.

— Горюй не горюй, а поросёнка не воскресишь. Давай-ка вспомним, как волков брали. Надо же двум старым звероловам рассчитаться с ними по заслугам! Капканы есть?

— Заржавели без дела, грош им цена. Только и годятся на свалку!

— Может, крючки есть? Ты ведь старый рыбак.

— Крючки есть. Да на что они тебе?

— Ты говорил: тряхнём стариной! Вот я и хочу тебе напомнить, как надо волков ловить.

Пока Жуков кормил кур, самовар ставил, я привязал к крючкам по куску проволоки, словно щук собирался ловить, нанизал на каждый крючок по куску мяса. Все куски проволоки прикрепил к канату.

Мы отнесли эту снасть на то место, где нашли голову поросёнка, привязали канат за пенёк. А чтобы вернее приманить волков сюда, опалили три козы шкуры и обжарили на костре козью голову.

— Приманка аппетитная, — сказал Жуков. — Только придут ли волки на это место? Уж больно они осторожные, черти!

— Как говорится, утро вечера мудренее! — сказал я. — Пойдём-ка с дороги чайком побалуемся.

Мы ужинали и пили чай в сумерках. И вдруг где-то вдали послышался вой волков.

— Собираются на пирушку, — прислушиваясь, сказал Жуков. — Ну, поглядим, поглядим, Алексеич, чего стоит твоя выдумка! А помнишь...

И начался у нас долгий вечер воспоминаний.

Спать не пришлось: незаметно просидели всю летнюю ночь до рассвета.

Жуков глянул в окно, убрал посуду со стола, и мы пошли проверить ловушку.

Большая, старая волчица стояла и смотрела на нас в испуге, но с места не двигалась. Она была похожа на чучело, которое сделал искусный мастер, только глаза её говорили, что она живая. Да изо рта у неё торчала проволока, которую я привязал к крючку.

Мы связали волчицу и принесли домой.

— Сдам шкуру, пятьсот рублей получу — вот и поросёнка куплю! — размечтался Жуков.

— Так и сделай! А теперь в тайгу веди, с ружьишком погулять! Тоскую и я по тайге не меньше твоего!

Мы взяли в дорогу по куску хлеба и отправились в саянскую — смолистую, кедровую — тайгу.

Росомаха, которую я не смог поймать

Зимой, по первому снегу, я приехал в охотничий колхоз, который был расположен среди двух горных кряжей на самом берегу далёкого Берингова моря.

В колхозе жили чукчи. Все они были хорошие охотники, и я быстро заключил с ними договор на поставку пушнины.

Охотники уговаривали меня остаться у них на ночь. Но я торопился домой, на Преображенскую факторию, и выехал, когда уже стало темнеть.

Погода была отличная. Собаки хорошо отдохнули и неслись с такой быстротой, что я крепко держался за нарты.

За час мы прошли полпути. Вдруг вожак отчаянно взвизгнул, и вся упряжка рванулась в сторону. Собаки залаяли и сейчас же кинулись в драку.

Я вылетел на снег, бросился с ружьём к упряжке; мой вожак, у которого из ноги сочилась кровь, держал зубами за шею большую, неуклюжую росомуху.

Хищница не сдавалась. Она вырвалась и так куснула жожака, что он с жалобным визгом повалился в сугроб. Собаки поспешили на помощь, но упряжка мешала им свободно передвигаться.

Я давно уже не ловил росомых, и у меня мелькнула мысль взять зверя живым. Бросился к нартам, хотел стащить полость и накрыть ею зверя, но ещё одна собака, сильно укушенная росомой, упала на снег, Упряжка рванулась, собаки сбили меня с ног.

Только я приподнял голову, росомуха бросилась на меня. С треском разорвался правый рукав моей меховой кухлянки, и я почувствовал в плече острую боль.

Вскочив на ноги, я с силой отбросил росомуху и, почти не целясь, выстрелил в неё. Она перевернулась, но стала подниматься.

Собаки кинулись на неё. Я разогнал их и выстрелил ещё раз, прямо в голову. Зверь сунулся в снег, вздрогнул — и замер.

Только уж после этого я спокойно перевёл дух и начал поправлять порванную упряжь.

Вожак и ещё две собаки были ранены, одна лежала на спине мёртвая.

Я расставил собак в упряжке, взвалил на нарты убитую росомаху и тронулся в путь.

Собаки бежали плохо и всё оглядывались назад, но постепенно успокоились и помчали быстро и ровно.

А я сидел в нартах, ощупывал рукой длинный, густой и тёмный мех зверя и рассуждал:

— Сильна ты, матушка, и ночью от тебя не спасётся даже такой зверь, как лось. Но зачем же ты бросилась на упряжку собак? И неужто была ты так голодна, что не побоялась человека, сидевшего на нартах? И расплатилась своей шкурой, шкурой удивительной, которая никогда не покрывается инеем!..

СОДЕРЖАНИЕ

Что это за книжка?	3
Мои медвежата	5
Гапка :	6
Ерёмка	8
Медвежонок в беде	11
Карусель	13
Белянка и Белячок	16
Встречи с Топтыгиным	19
Случай на пасеке	20
Как заснул злой Красавец	24
Медведь с белым носом	27
Поединок в тайге	30
Хозяин Уссурийской тайги	35
С ружьём и без ружья	48
Беглянка	53
Красный Бантик	55
Рыболовный крючок	57
Росомаха, которую я не смог поймать	60

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Панюков Владимир Алексеевич

РАССКАЗЫ ЗВЕРОВОЛА

Ответственный редактор *С. Е. Миримский*,
Художественный редактор *Н. С. Яцкевич*,
Технический редактор *Н. П. Самохвалова*.

Корректоры

Т. П. Лейзерович и *Е. Н. Вильтер*.

Сдано в набор 16/1 1958 г. Подписано к
печати 22/II 1958 г. Формат 60×92¹/₁₆ —
4 печ. л. (2,36 уч.-изд. л.). Тираж 115 000 экз.

Цена 85 коп.

Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза.
Москва, Суцевский вал, 49. Заказ № 3334.

